Н. М. ТИХМЕНЕВЪ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ ПРЕБЫВАНІЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II ВЪ СТАВКѢ.

Изданіе Кружка Ревнителей
Русскаго Прошлаго.
Ницца. 1925 годъ.

Н. М. ТИХМЕНЕВЪ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ ПРЕБЫВАНІЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II ВЪ СТАВКѢ.

Изданіе Кружка Ревнителей
Русскаго Прошлаго.
Ницца. 1925 годъ.

Soc. Anon. Imprimerie de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.

Отъ кружка ревнителей русскаго прошлаго въ Ниццѣ.

Описаніе послѣднихъ дней проведенныхъ въ Ставкѣ Государемъ Императоромъ Николаемъ II-мъ и прощанія Государя со всѣмъ составомъ Ставки — прочитано было впервые авторомъ, — бывшимъ Начальникомъ Военныхъ Сообщеній театра военныхъ дѣйствій, — въ одномъ изъ засѣданій нашего дружескаго кружка.

Разсказъ генерала Тихменева, — сжатый, ограниченный строго лишь тѣмъ, что авторъ самъ видѣлъ и слышалъ, — лишенъ всякихъ риторическихъ прикрасъ, но въ каждомъ словѣ сквозитъ и искреннее чувство, и глубокое пониманіе той, поистинѣ драматической минуты, когда, — какъ-то потрясающе просто, безъ «жеста», безъ разсчитанныхъ фразъ, — оборвалась послѣдняя связь между Царемъ-Главнокомандующимъ и Русскимъ Воинствомъ; и обѣ эти коренныя силы, олицетворявшія собою всю прежнюю, историческую Русь, откатились другъ отъ друга, уходя однако-же каждая въ общую область небывалаго униженія, страданій и скорби...

Сообщеніе генерала Тихменева произвело на слушателей глубокое впечатлѣніе, и тутъ-же явилась у нѣсколькихъ членовъ Кружка мысль подѣлиться испытаннымъ ими чувствомъ съ болѣе широкимъ кругомъ русскаго бѣженства.

Настоящее изданіе, предпринятое за счетъ Кружка, является и первымъ опытомъ на поприщѣ распространенія, среди русскихъ заграничныхъ читателей, тѣхъ трудовъ нашихъ и тѣхъ сообщеній, которые отвѣчали бы духовнымъ потребностямъ нашихъ соотечественниковъ и ихъ любознательности въ области русскаго давняго и недавняго прошлаго. Дай Богъ, чтобы скромный починъ этотъ увѣнчался нѣкоторымъ успѣхомъ!

Ницца, 6-19 Мая 1925 года.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ ПРЕБЫВАНІЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II ВЪ СТАВКѢ.

Въ области, которая такъ занимаетъ всѣхъ, благоговѣйно чтущихъ память покойнаго Государя Императора Николая II—въ области воспоминаній о покойномъ Государѣ и Царской Семьѣ, — у меня есть одинъ случай, представляющій общій интересъ. Это — два небольшихъ, связанныхъ между собой, разговора, которые мнѣ пришлось имѣть съ Государемъ, — одинъ приблизительно за мѣсяцъ до революціи, а другой—спустя нѣсколько дней послѣ отреченія Государя. Незначительные разговоры эти, при ихъ сопоставленіи и въ той обстановкѣ, при которой они произошли, являютъ собой яркое доказательство высокихъ свойствъ души и царственности духа покойнаго Императора.

Всѣмъ памятно, что предшествующее революціи время войны сопровождалось, между прочимъ, двумя явленіями въ области народнаго хозяйства: такъ называемымъ разстройствомъ транспорта и недостаткомъ продовольствія въ городахъ и арміи. По своей должности (Начальника Военныхъ Сообщеній театра военныхъ дѣйствій), я непосредственно осязалъ оба эти явленія,

будучи, съ одной стороны, отвѣтственнымъ за желѣзнодорожныя перевозки на театрѣ военныхъ дѣйствій, а съ другой — зная несоотвѣтствіе количества перевозимыхъ продовольственныхъ грузовъ потребностямъ арміи. Причины обоихъ явленій были очень понятны. Наша слабая желѣзнодорожная сѣть (значительно, впрочемъ, усиленная на театрѣ войны заботами Ставки Верховнаго Главнокомандующаго) не могла справиться съ большими дополнительными перевозками, вызванными потребностями войны, и работала съ перегрузкой. По общему закону, каждое механическое устройство можетъ дать только ту работу, на которую оно расчитано. Всякое насиліе надъ механизмомъ ведетъ только къ его изнашиванію и отказу. Этотъ простой законъ, въ примѣненіи его къ желѣзнымъ дорогамъ, никакъ не усваивался ни высшими военными начальниками, ни правительственными учрежденіями, ни обществомъ, ни такъ казывавшейся «общественностью».

Желѣзныя дороги казались какимъ то таинственнымъ и неисчерпаемымъ источникомъ, который долженъ былъ безотказно давать все, что отъ него требовали и сколько бы ни требовали. Невозможность удовлетворить эти требованія вызывала лишь капризное раздраженіе противъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей и Министерства Путей Сообщенія и желѣзнодорожныхъ органовъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Требованія не уменьшались. И при томъ не только требованія, истекавшія изъ необходимости, но и изъ непозволительной роскоши, произвола, каприза и карьерныхъ цѣлей, плохо прикрытыхъ видимостью пользы, или требованія, предъявлявшіяся въ интересахъ частныхъ, во вредъ пользѣ общей. Приходилось вести постоянную борьбу съ требованіями на экстренные поѣзда разныхъ имущихъ власть лицъ; съ требованіями пропуска разныхъ благотворительныхъ учрежденій въ поѣздахъ, не только мало полезныхъ для арміи (но тѣшившихъ за то самолюбіе тѣхъ лицъ, которыя ихъ устраивали, или способствовавшихъ карьернымъ цѣлямъ этихъ лицъ), но и прямо вредныхъ, ибо они отнимали часть пропускной способ-

ности желѣзныхъ дорогъ, необходимой для удовлетворенія болѣе насущной пользы арміи и населенія. Извѣстный случай изъ франко-прусской кампаніи, когда Мольтке, по докладу желѣзнодорожныхъ органовъ своего Штаба, запретилъ пропускъ королевскаго поѣзда, какъ нарушавшій планъ военныхъ перевозокъ, — казался дурнымъ и неприличнымъ анекдотомъ. Суровые морозы конца 1915 и начала 1916 г., затруднившіе ремонтъ паровозовъ и вагоновъ и усилившіе выводъ подвижного состава изъ работы, еще болѣе осложняли дѣло.

Отсутствіе на желѣзныхъ дорогахъ необдуманно взятыхъ въ армію желѣзнодорожныхъ рабочихъ и спеціалистовъ, которыхъ пришлось потомъ возвращать къ ихъ прямому дѣлу, — давало себя чувствовать самымъ существеннымъ образомъ. Желѣзнодорожный транспортъ, работавшій полнымъ махомъ и отлично руководимый спеціалистами и на мѣстахъ, и въ управленіи желѣзныхъ дорогъ въ Петербургѣ, и въ Ставкѣ, былъ, однако «въ разстройствѣ», съ точки зрѣнія невыполненія предъявлявшихся къ нему сверхсильныхъ требованій. Другое явленіе — недостатокъ продовольствія въ городахъ и на фронтѣ — было печальнымъ фактомъ. Съ самаго начала войны продовольственныя нормы не регулировались и не ограничивались. Въ теченіе полутора лѣтъ около двѣнадцати милліоновъ здоровыхъ мужчинъ, занятыхъ своимъ военнымъ дѣломъ, ничего не производили и были лишь двѣнадцатью милліонами ртовъ, содержимыхъ государствомъ и, обычно, ѣвшихъ больше и лучше нежели въ мирное время. Большіе запасы продовольствія были еще въ Сибири, но ими нельзя было воспользоваться за невозможностью доставить ихъ къ фронту или къ станціямъ погрузки. Европейская же Россія была уже въ значительной степени истощена. Войсковые запасы растаяли, арміи жили изо дня въ день, иногда чувствовался уже прямой недостатокъ продовольствія для людей и, особенно, фуража для лошадей.

Оба означенныя явленія крѣпко безпокоили и заботили всѣхъ,

кто такъ или иначе былъ прикосновененъ къ дѣлу снабженія арміи и населенія. И крѣпче и больше всѣхъ заботили они покойнаго Государя, ясно понимавшаго всю катастрофическую важность голодныхъ волненій въ населеніи и роковое вліяніе на ходъ военныхъ операцій недостатка продовольствія въ арміи. Тѣ слова, въ которыхъ была высказана имъ эта мучившая его забота, тотъ тонъ, которымъ были сказаны эти слова, и тѣ обстоятельства, при которыхъ были они произнесены, показываютъ ту глубину и искренность чувства, изъ котораго они исходили.

Въ описываемое время, приблизительно за мѣсяцъ до революціи, когда уже ясно чувствовалась нависавшая общая гроза, и когда въ Ставкѣ всѣ мы — лица, отвѣтственныя за снабженіе арміи и за подвозъ къ ней всего необходимаго, были заняты постоянной и ежеминутной, разбивавшей наши нервы, борьбой съ затрудненіями продовольственными и транспортными, — въ это время я получилъ очередное приглашеніе на Высочайшій обѣдъ или, не помню, завтракъ. По занимаемой мною должности одного изъ старшихъ генераловъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, я получалъ такія приглашенія отъ четырехъ до восьми разъ въ мѣсяцъ. Приглашенія эти производились всегда однимъ и тѣмъ же образомъ. Въ моемъ служебномъ кабинетѣ, гдѣ я ежедневно проводилъ цѣлый день и значительную часть ночи, раздавался телефонный звонокъ въ одинъ изъ трехъ стоявшихъ на письменномъ столѣ телефоновъ. Всегда одинъ и тотъ же голосъ какого-то чина гофмаршальской части Двора, справившись предварительно о моей фамиліи, произносилъ всегда, съ одинаковымъ выраженіемъ, одну и ту же фразу: «Вы приглашаетесь на Высочайшій завтракъ (или обѣдъ) завтра (или сегодня). Къ назначенному часу всѣ обѣдавшіе или завтракавшіе въ тотъ день за Высочайшимъ столомъ собирались во дворцѣ, т. е. небольшомъ двухэтажномъ, уютномъ, старомъ, повидимому еще александровской постройки, домѣ Могилевскаго Губернатора, гдѣ жили Государь и его ближайшая свита, и располагались въ небольшой залѣ второго этажа,

смежной съ столовой и кабинетомъ Государя. Въ залу вело три двери — одна изъ передней, другая, — прямо противоположная ей черезъ всю длину зала, около наружной стѣны ея, — въ кабинетъ Государя; третья дверь, посрединѣ внутренней стѣны зала, вела въ столовую. Присутствовавшие, обычно въ числѣ около 25 человѣкъ, въ ожиданіи выхода Государя, образовывали въ залѣ cercle, размѣщаясь по старшинству чиновъ и званій, начиная отъ двери ведущей въ кабинетъ, спиной къ окнамъ наружной стѣны; хвостъ приглашенныхъ оканчивался у стоявшаго въ углу рояля. Около него стояли начальники военныхъ иностранныхъ миссій, обѣдавшіе и завтракавшіе во дворцѣ каждый день, и очередные приглашенные младшіе чины этихъ миссій. Въ другомъ углу залы, около печки, выходившей задней своей стѣной въ кабинетъ, отдѣльно отъ прочихъ становился Начальникъ Штаба Государя, генералъ М. В. Алексѣевъ. Наконецъ, около стѣны, отдѣлявшей залу отъ кабинета, стоялъ Министръ Двора гр. Фредериксъ. Прочіе чины Государевой Свиты — Дворцовый Комендантъ ген. Воейковъ, гофмаршалъ ген. Кн. В. Долгорукій, послѣдовавшій за Государемъ въ Сибирь и въ Екатеринбургѣ раздѣлившій участь Царской Семьи, Лейбъ-медикъ — обычно лейбъ-хирургъ Федоровъ или лейбъ-медикъ Боткинъ, также погибшій въ Екатеринбургѣ, и дежурный флигель-адьютантъ — становились около двери въ переднюю. Тамъ же стояли и младшіе Великіе Князья — обычно Вел. Кн. Дмитрій Павловичъ или Игорь Константиновичъ. Старшіе Великіе Князья, какъ постоянно жившіе въ Ставкѣ (Сергѣй и Георгій Михайловичи), такъ и пріѣзжавшіе наѣздами, становились въ общую очередь, по старшинству чиновъ и служебныхъ положеній.

Сдѣлалось общимъ правиломъ мнѣніе о томъ, что Императоръ Николай II, какъ выражается въ своихъ запискахъ гр. Витте, «распустилъ» царскую семью. Судя по тому числу самовольныхъ браковъ, которые были заключены Великими Князьями, повидимому, строгая дисциплина времени Алексан-

дра III среди членовъ царствующаго дома дѣйствительно нѣсколько ослабѣла. Однако, для лицъ, далекихъ отъ Двора, которыя могли наблюдать отношенія Великихъ Князей къ Государю лишь во внѣшнихъ ихъ проявленіяхъ, отношенія эти были высоко почтительными и подчеркнуто дисциплинированными. Я помню, какъ однажды, къ стоявшему рядомъ со мной въ залѣ В. К. Сергѣю Михайловичу, подошелъ Государь и, подойдя, поднялъ руку, чтобы поправить себѣ что-то въ одеждѣ. Великій Князь, котораго Государь видѣлъ уже въ этотъ день, принялъ этотъ жестъ за то, что Государь протягиваетъ руку ему, и поспѣшилъ самъ протянуть руку. Между тѣмъ Государь руку опустилъ, и Великій Князь остался съ протянутой рукой. Онъ очень смутился и сконфузился, быстрымъ жестомъ опустилъ руку по швамъ и весь подобрался и вытянулся, произнося нѣсколько несвязныхъ словъ извиненія. Однако, Государь, замѣтивъ все это, не далъ ему договорить, — такъ сказать перехватилъ движеніе Вел. Князя, быстро протянулъ ему руку и сказалъ: «да, что же я, впрочемъ, здороваюсь съ тобой, вѣдь я тебя уже видѣлъ сегодня», сдѣлавъ, такимъ образомъ, какъ бы себя виновнымъ въ происшедшей неловкости.

Очень точно, въ назначенное время, Государь выходилъ изъ кабинета, дѣлалъ общій поклонъ и начиналъ обходъ присутствующихъ, всѣмъ подавая руку и говоря нѣкоторымъ, особенно новымъ лицамъ, по нѣсколько словъ. У Государя была манера, — послѣ того, какъ онъ подастъ руку, иногда, на нѣсколько секундъ, задерживаться передъ лицомъ, съ которымъ онъ поздоровался. Казалось при этомъ, что онъ сейчасъ заговоритъ, и каждый дѣлалъ, такъ сказать, внутреннее движеніе, приготовляясь отвѣчать. Однако, очень часто, постоявъ такъ нѣсколько секундъ молча, Государь переходилъ къ слѣдующему, не сказавъ ни слова. Людей новыхъ такая манера смущала, лица, знавшіе уже эту манеру, относились къ ней спокойно. Когда Государь заговаривалъ съ кѣмъ-нибудь, онъ обычно слегка улыбался привѣтливой улыб-

кой и смотрѣлъ своему собесѣднику прямо въ глаза своими большими, и поистинѣ прекрасными, глазами.

Окончивъ обходъ, Государь направлялся въ столовую, куда слѣдовали за нимъ и всѣ присутствовавшіе. Въ столовой, кромѣ обѣденнаго стола, въ углу, около наружной стѣны, стоялъ еще столъ съ закусками. Государь становился около конца закусочнаго стола, спиной къ окну и лицомъ къ приглашеннымъ, и начиналъ закусывать, выпивъ одну рюмку водки и радушно приглашая гостей къ тому же. Во время закуски гофмаршалъ давалъ участникамъ трапезы схемку стола, по которой каждый, заранѣе, узнавалъ свое мѣсто. Государь садился посерединѣ стола, спиной къ двери въ залу, имѣя направо отъ себя ген. Алексѣева, налѣво, обыкновенно, кого-либо изъ начальниковъ иностранныхъ военныхъ миссій, по очереди. Если Государыня была въ Ставкѣ, то она садилась рядомъ съ Государемъ по лѣвую руку, и иностранный генералъ сидѣлъ рядомъ съ ней. Наслѣдникъ, если былъ за столомъ, совершалъ, очень серьезно, съ Государемъ предобѣденный обходъ присутствующихъ, но за то шалилъ всегда во время закуски, при чемъ наибольшей его любовью пользовался пожилой, толстый, добродушный бельгійскій Генералъ баронъ Риккель. Противъ Государя, черезъ столъ, сидѣлъ Министръ Двора гр. Фредериксъ, или замѣнявшій его гр. Бенкендорфъ. Въ головѣ стола, налѣво отъ Государя, сидѣлъ гофмаршалъ. Прочіе присутствующіе размѣщались по обѣ стороны отъ Государя и Министра Двора, по старшинству, при чемъ старшіе сидѣли на той сторонѣ стола, гдѣ было мѣсто Государя.

Всегда очень скромный обѣдъ изъ 3 блюдъ (или завтракъ, тождественный съ обѣдомъ по количеству и роду блюдъ) проходилъ быстро, причемъ Государь ѣлъ очень мало. За столомъ шелъ общій разговоръ. Послѣ сладкаго подавали, тутъ же за столомъ, кофе, всегда со сливками. За кофе Государь, нѣсколько повышая голосъ, говорилъ: «Господа, можно курить».

При этомъ онъ привычнымъ жестомъ доставалъ изъ за пазухи своей форменной, суконной, защитнаго цвѣта рубашки, подпоясанной форменнымъ же ремнемъ, которую онъ всегда носилъ въ Ставкѣ, мундштучекъ, въ видѣ изогнутой трубочки изъ двухъ половинокъ, соединенныхъ золотымъ шарикомъ, — пѣнковой, куда вставлялась папироса, и янтарной, которая бралась въ ротъ. Такіе мундштуки — трубочки, по примѣру Государя, были тогда въ большой модѣ. Въ манерѣ куренія сказывалась нервность Государя. Первую папиросу онъ курилъ жадно втягивая въ себя дымъ, и, докуривъ до половины, нервными толчками тушилъ ее о стоявшую передъ нимъ пепельницу, въ видѣ золоченаго, съ эмалью, небольшого ковшика, формы старинныхъ русскихъ ковшей. Погасивъ первую папиросу, онъ сейчасъ же закуривалъ вторую, которую и выкуривалъ до конца. Послѣ этого, за столомъ, какъ то сразу, наступало общее молчаніе, какое бываетъ, когда исполняется русскій обычай присаживанія передъ дорогой. Государь вставалъ и выходилъ въ залу, куда шли и всѣ прочіе, размѣщаясь такъ же, какъ до обѣда. Государь опять разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ приглашенныхъ, но на этотъ разъ разговоры были гораздо длиннѣе и, видимо, имѣли не случайный характеръ. Затѣмъ, вновь подавъ руку каждому изъ присутствующихъ, Государь уходилъ въ кабинетъ, общимъ поклономъ у дверей, разрѣшая расходиться.

Въ день того приглашенія меня къ обѣду, о которомъ я упомянулъ выше, вмѣстѣ со мной былъ приглашенъ и Главный Полевой Интендантъ ген.-лейт. Егорьевъ, человѣкъ умный, милый, очень худой и нервный. Послѣ обѣда мы стояли рядомъ, недалеко отъ дверей кабинета. Остановившись передо мной Государь секунду помолчалъ и затѣмъ спросилъ: «скажите, Т., все ли вы перевозите продовольствіе для арміи»? «Мы перевозимъ все, Ваше Императорское Величество», отвѣтилъ я, — «но долженъ доложить Вамъ откровенно, что удается это лишь потому, что даютъ намъ къ перевозкѣ не очень много». «Да... да, я знаю», сказалъ раздумчиво

Государь. Затѣмъ опять произошла нѣкоторая пауза, послѣ которой онъ, посмотрѣвъ на Егорьева и на меня и соединяя насъ, такимъ образомъ, въ общей бесѣдѣ, сказалъ, обращаясь къ Егорьеву: «Я васъ прошу, достаньте непремѣнно продовольствіе для арміи, а вы — обращаясь ко мнѣ — непремѣнно его перевезите. Я не сплю по цѣлымъ ночамъ, когда я думаю, что армія можетъ голодать». Затѣмъ онъ подалъ намъ обоимъ руку, глядя на насъ, своими, въ ту минуту печальными, глазами на грустномъ и взволнованномъ лицѣ.

Такое личное обращеніе самого царя къ двумъ хотя и непосредственно вѣдающимъ дѣломъ, но все же второстепеннымъ генераламъ, было явленіемъ, по своему значенію, чрезвычайнымъ. И взволнованный тонъ Государя, и все его помрачившееся лицо, и глубокая грусть, которая слышалась въ его словахъ, ни на секунду не оставили во мнѣ сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ глубоко искрененъ и гораздо больше скорбѣлъ объ арміи и думалъ безсонными ночами о значеніи и послѣдствіяхъ явленія, мысли о которомъ не давали ему спать, — гораздо больше, нежели могли и могутъ предполагать это тѣ, для коихъ онъ былъ, говоря словами Лермонтова, «безхарактерный, безнравственный, ничтожный, самолюбивый, злой, но слабый человѣкъ» и, прежде всего, эгоистъ.

Прошло около мѣсяца. Произошла революція. Великій потопъ словеснаго гноя полился на Россію изъ устъ новыхъ ея правителей и гражданъ «самой свободной въ мірѣ страны». И грязнымъ валомъ встала надъ ней ненависть и злоба обезумѣвшей солдатчины, мастеровщины и «освобожденнаго народа». Первые всплески этого вала обрушились на беззащитную Царскую Семью. Не было того ослинаго копыта, которое не лягнуло бы то, передъ чѣмъ пресмыкалось еще такъ недавно.

Все болѣе и болѣе сгущавшіяся телеграммы Родзянко Государю: безпорядки-мятежъ-революція... Посылка съ войсками генерала Иванова изъ Могилева въ Петроградъ для подавленія

бунта... Я получилъ приказаніе экстренно приготовить поѣздной составъ для отправленія въ Царское Село и Петроградъ находившагося въ Ставкѣ, въ качествѣ ея охраны, Георгіевскаго баталіона*) и ген.-ад. Иванова. Ничтожная съ технической стороны, эта перевозка не представляла никакой трудности. Однако, въ виду особой ея цѣли и придававшагося ей значенія, Начальникъ Штаба ген. Алексѣевъ пожелалъ лично выслушать отъ меня докладъ объ ея организаціи. Когда, я во время доклада, сидѣлъ въ кабинетѣ ген. Алексѣева, вошелъ адьютантъ генерала и доложилъ о прибытіи ген. ад. Иванова, который немедленно и былъ приглашенъ Алексѣевымъ. Съ своей привычной привѣтливостью поздоровавшись съ ген. Ивановымъ, Алексѣевъ, не садясь, какъ то весь выпрямился, подобрался и внушительнымъ оффиціальнымъ тономъ сказалъ Иванову: «Ваше Высокопревосходительство, Государь Императоръ повелѣлъ вамъ, во главѣ Георгіевскаго баталіона и частей кавалеріи, о движеніи коихъ одновременно сдѣланы распоряженія, отправиться въ Петроградъ для подавленія бунта, вспыхнувшаго въ частяхъ петроградскаго гарнизона». Послѣ этого Алексѣевъ сдѣлалъ паузу, воспользовавшись которой Ивановъ отвѣтилъ, что Воля Государя Императора для него священна, и что онъ постарается выполнить повелѣніе Государя. Алексѣевъ молчалъ. Понимая, что генераламъ надо, быть можетъ, переговорить, съ глазу на глазъ, и видя, что Алексѣевъ какъ будто позабылъ о моемъ присутствіи въ кабинетѣ, я постарался обратить на себя его вниманіе. Алексѣевъ какъ бы спохватившись, распрощался со мной, и я вышелъ изъ кабинета. Дальнѣйшаго разговора я не слышалъ. Думаю, что у Алексѣева тогда уже мало было

*) Такъ называлась особая часть, составленная, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, изъ командированныхъ отъ всѣхъ пѣхотныхъ частей арміи солдатъ и офицеровъ — георгіевскихъ кавалеровъ. Эти люди были сведены въ баталіонъ, получившій особую форму съ эмблемами ордена Св. Георгія, названный Георгіевскимъ и назначенный для несенія охранной и сторожевой службы при Царской Ставкѣ.

надежды на успѣхъ экспедиціи Иванова. Ивановъ, съ которымъ и раньше этого мнѣ приходилось нѣсколько разъ дружески и откровенно бесѣдовать, былъ очень озабоченъ, когда черезъ часъ пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы сговориться о подробностяхъ поѣздки. Я уговорился съ нимъ, что буду непосредственно освѣдомлять его о движеніи прочихъ частей, направляемыхъ изъ района сѣвернаго фронта въ его распоряженіе, и что онъ будетъ телеграфировать непосредственно мнѣ о своемъ движеніи. «Только сомнѣваюсь я, Ваше Высокопревосходительство, чтобы вы получили мои телеграммы», сказалъ я ему, «перехватывать ихъ будутъ». Я оказался правъ. Сколько помнится, изъ нѣсколькихъ посланныхъ Ивановымъ телеграммъ (о чемъ я узналъ отъ него уже впослѣдствіи), я получилъ только одну. А моихъ телеграммъ онъ не получалъ вовсе. За то потомъ, значительно уже позже, я имѣлъ удовольствіе прочесть всѣ мои телеграммы напечатанными въ книгѣ «Палладіумъ русской свободы». Эта книжка, гдѣ подъ «Палладіумомъ» разумѣлся Таврическій Дворецъ (помѣщеніе Государственной Думы), была издана полковникомъ, комендантомъ Думы. Написанная въ тѣхъ тонахъ, въ какихъ описывались обычно отчеты о Высочайшихъ смотрахъ, парадахъ и путешествіяхъ, эта книжка представляетъ собой махровый образецъ пошлости и вѣрноподданническаго лежанія на брюхѣ передъ революціей.

Если не ошибаюсь, то часовъ около 9 вечера, въ день разговора моего съ ген. Ивановымъ — 27 февраля, ген. Лукомскій (ген. квартирмейстеръ Штаба) передалъ мнѣ распоряженіе о немедленной подачѣ литерныхъ поѣздовъ (двухъ царскихъ поѣздовъ, въ одномъ изъ которыхъ обычно ѣхалъ Государь, въ другомъ свита), т. к. Государь собрался уѣзжать въ Царское Село. Я былъ нѣсколько удивленъ. Во первыхъ, я только что получилъ свѣдѣнія — и довольно точныя, — что Государь собирается уѣзжать не сегодня, а лишь послѣзавтра утромъ. Затѣмъ, никакихъ распоряженій о пропускѣ царскихъ поѣздовъ я обычно и не дѣлалъ, т. к. всѣми царскими поѣздками вѣдала инспекція императорскихъ

поѣздовъ, лишь согласуя, когда это было нужно, графикъ движенія съ соотвѣтственнымъ моимъ путейскимъ органомъ. По техническимъ условіямъ, поѣзда не могли отойти раньше поздней ночи. Глубокой ночью, вѣрнѣе раннимъ утромъ, 28 февраля, я прямо изъ своего служебнаго кабинета поѣхалъ на желѣзнодорожную станцію проводить Царскій поѣздъ, чего я вообще никогда не дѣлалъ. Въ полной темнотѣ, безъ единаго огня, съ наглухо завѣшанными окнами стоялъ поѣздъ около платформы, ожидая отправленія. На перронѣ станціи не было никого; не лѣзла въ глаза и обычная охрана. Черезъ нѣсколько минутъ изъ поѣзда вышелъ кто то изъ дворцовой прислуги и, проходя мимо меня и, видимо, признавъ меня, поклонился и сказалъ: «Да, вотъ и ѣдемъ; и вы пріѣхали Ваше Превосходительство?».. Тяжело, видимо, было на душѣ у этого человѣка. И мало убѣдительны были тѣ нѣсколько словъ ободренія, которыя я сказалъ ему. Тяжело было на душѣ у всѣхъ...

Прошли два томительныхъ дня. Пожаръ въ Петроградѣ разгорался. Движеніе царскаго поѣзда по Московско-Виндаво-Рыбинской дорогѣ, переходъ на востокъ на Николаевскую дорогу; возвращеніе на «Дно»; движеніе на западъ на Сѣверо-Западную дорогу; прибытіе въ Псковъ. Пребываніе въ Псковѣ. — Отреченіе. Уже позже узнали мы подробности отреченія. Узнали и о томъ, какъ впустую пропалъ весь зарядъ краснорѣчія человѣка, поѣхавшаго убѣждать Царя объ отреченіи. «Я уже рѣшился», т. е. рѣшился раньше вашей рѣчи, — таковъ былъ отвѣтъ Государя на рѣчь Гучкова. Отреченіе его было дѣйствительно, какъ сказалъ онъ позже намъ, — «слѣдствіемъ его рѣшенія», принятаго подъ вліяніемъ представленій высшаго командного состава арміи, но внѣ всякаго вліянія рѣчей посланцевъ Думы.

Въ ближайшіе и особенно послѣдующіе за отреченіемъ Государя дни, Ставка Верховнаго Главнокомандующаго представляла отвратительное зрѣлище. Штабные писаря, инженерные кондук-

тора, шофферы — вся эта штабная челядь, которой была набита Ставка, какъ и каждый большой штабъ, — весь этотъ народъ теперь, когда революція, такъ сказать, была уже оффиціально объявлена, при каждомъ случаѣ, съ красными кокардами на фуражкахъ, обвѣшанные красными повязками, бантами и съ красными шарфами или лентами черезъ плечо, на подобіе генеральскихъ лентъ, по одиночкѣ, парами и группами, пѣшкомъ и на извозчикахъ, озабоченно шныряли, носились и просто слонялись по городу. Собирались въ кучки, на митинги, и говорили, говорили безъ конца, упиваясь пошлостью собственнаго краснорѣчія. Можетъ быть никогда еще не было сказано такъ много пустопорожнихъ словъ на темы о «самомъ свободномъ гражданинѣ самой свободной въ мірѣ страны» и о «самомъ свободномъ солдатѣ самой свободной въ мірѣ арміи». И неизмѣнно вся болтовня заключала въ себѣ плевки въ сторону Государя и поношеніе «проклятаго свергнутаго режима». Казалось, что для всей этой разнуздавшейся писарщины главнымъ пріобрѣтеніемъ и достиженіемъ, главнымъ «завоеваніемъ революціи» было право лакейски невозбранно ругать своихъ бывшихъ господъ. Увы, они отражали лишь большую часть Россіи. Все это заканчивалось призывами къ соблюденію нелѣпой «революціонной дисциплины» и «къ борьбѣ до побѣднаго конца». Однако, рѣчи о «революціонной дисциплинѣ» весьма плохо согласовались съ дѣйствительностью. Дисциплина была въ сущности вовсе «отмѣнена». Наиболѣе видимый внѣшній знакъ дисциплины — отданіе чести — было замѣнено «взаимнымъ привѣтствіемъ», при чемъ, какъ то чаще всего выходило такъ, что солдатъ ждалъ этого знака привѣтствія отъ генерала, иногда и не отвѣчая ему тѣмъ же. Требовавшаяся нашимъ уставомъ остановка во фронтъ старшимъ начальникамъ, обязательная въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для генераловъ, была совсѣмъ отмѣнена. По мнѣнію самыхъ свободныхъ въ мірѣ солдатъ этотъ знакъ чинопочитанія «унижалъ человѣческое достоинство». Однако, работа кое какъ шла — главнымъ образомъ потому, что въ Ставкѣ она была большей частью

офицерской. Слова о «войнѣ до побѣднаго конца» звучали уже совсѣмъ неискренно. Всѣ требовали этого «побѣднаго конца» и всѣ готовы были «вести борьбу», однако съ тѣмъ, чтобы никого не посылали на фронтъ, а, главное, въ окопы. Очень скоро, однако, въ этомъ хаосѣ всероссійскаго разгильдяйства, вѣрнымъ отраженіемъ котораго была и Ставка, стала ясно замѣчаться твердая, злостная направляющая рука — рука «Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ». И для всѣхъ насъ не «принявшихъ» революціи, а лишь «подчинившихся» ей, сдѣлалось яснымъ, что не только о «борьбѣ до побѣднаго конца», но и вообще ни о какой дальнѣйшей войнѣ не можетъ быть и рѣчи. И для огромнаго большинства офицеровъ и генераловъ стало понятнымъ, что рѣшеніе альтернативы — «родина, или Николай II» — «доведеніе войны до побѣды, или отреченіе царствующаго Государя» — рѣшеніе въ пользу «родины», за счетъ «Николая II», — что это рѣшеніе будучи жертвой, было жертвой безполезной, ибо не должно было существовать и самой альтернативы, бывшей лишь ложнымъ внушеніемъ заблудившагося общественнаго мнѣнія. И рѣдкіе изъ насъ не провидѣли того времени, когда люди съ короткимъ умомъ, но длиннымъ языкомъ, въ поискахъ виновниковъ нашихъ бѣдствій, устраняя себя изъ числа этихъ виновниковъ, бросятъ офицерству и, главнымъ образомъ, генеральству обвиненіе въ «предательствѣ своего Царя». И до сихъ поръ еще плохо понимаютъ эти обвинители, преимущественно изъ нашей «общественности» и интеллигенціи и, также, женщины нашей интеллигенціи, что десятилѣтіями воспитывавшіяся въ нихъ нелюбовь, презрѣніе и брезгливость къ своей арміи и офицерству — къ этимъ «грубымъ солдафонамъ» были однимъ изъ главныхъ дѣйствительныхъ, и идейныхъ, и практическихъ пособниковъ и нашей революціи, и, слѣдовательно, и нашихъ бѣдствій.

Къ вечеру 3 марта, Государь вернулся изъ Пскова въ Могилевъ. Передъ ген. Алексѣевымъ всталъ вопросъ — какъ же встрѣтить Государя. Обычно, при его пріѣздахъ на вокзалъ, собирались для

встрѣчи остававшіяся въ Ставкѣ лица свиты (такихъ почти никогда не бывало, ибо свита была очень немногочисленна и всѣ лица свиты уѣзжали съ Государемъ), Великіе Князья и 6-7 человѣкъ старшихъ генераловъ, съ ген. Алексѣевымъ во главѣ. Встрѣтить Государя именно такъ, т. е. такъ, какъ будто бы ничего не случилось, — казалось невозможнымъ. Еще менѣе возможнымъ было совсѣмъ его не встрѣтить, или встрѣтить одному Алексѣеву. Съ присущими ген. Алексѣеву тактомъ и сердечной деликатностью, онъ рѣшилъ обставить встрѣчу Государя такъ, что бы хотя бы здѣсь, въ бывшемъ своемъ Штабѣ, не почувствовалъ онъ ослинаго копыта. На встрѣчу Государя были приглашены всѣ генералы, штабъ-офицеры и чиновники соотвѣтствующихъ ранговъ, т. е. около половины числа чиновъ Ставки—всего человѣкъ около полутораста. Въ предвечерніе сумерки сѣраго, холоднаго и мрачнаго мартовскаго дня, собрались мы всѣ въ обширномъ павильонѣ, выстроенномъ на военной платформѣ могилевской станціи, спеціально для пріема царскихъ и другихъ парадныхъ поѣздовъ. Разбились по кружкамъ и въ ожиданіи поѣзда вели разговоры о печальныхъ событіяхъ дня. Такъ какъ я первый долженъ былъ узнать о приближеніи поѣзда, то я и держался ближе къ Алексѣеву. Мы стояли группой въ 5-6 человѣкъ — Алексѣевъ, Вел. Кн. Борисъ Владиміровичъ и Сергѣй Михайловичъ, я и еще одинъ — два человѣка. Только что были получены извѣстія объ оставленіи Царской Семьи, остававшейся въ Царскомъ Селѣ, частью Государева Конвоя, о другихъ печальныхъ подробностяхъ петроградскихъ событій. Новости эти передавались изъ устъ въ уста и говорили о нихъ и въ нашемъ кружкѣ. Алексѣевъ больше грустно молчалъ; былъ молчаливъ и Вел. Кн. Борисъ Владиміровичъ, за то Вел. Кн. Сергѣй Михайловичъ, съ присущей ему злой ироніей и остротой языка, называлъ всѣ вещи настоящими именами. Сумерки сгущались. Въ дверяхъ показался комендантъ станціи и доложилъ мнѣ, что царскій поѣздъ вышелъ со ст. Лотва — послѣдній полустанокъ верстахъ въ 6-7 отъ Могилева. Я доложилъ Алексѣеву,

и всѣ мы слѣдомъ за нимъ вышли на платформу, гдѣ и выстроились длинной шеренгой по старшинству чиновъ. Я стоялъ шестымъ или седьмымъ справа и оказался почти противъ дверей царскаго вагона при остановкѣ поѣзда.

Медленно подошелъ поѣздъ и остановился у платформы. Изъ поѣзда, какъ всегда, выскочили два конвойныхъ казака, подложили трапикъ къ выходу изъ Царскаго вагона и встали по обѣ стороны трапа. Изъ одного изъ сосѣднихъ вагоновъ вышелъ дежурный флигель-адьютантъ — Герцогъ Лейхтенбергскій и медленно приблизился къ вагону Государя. Это былъ первый человѣкъ изъ близкихъ Государю лицъ, котораго мы увидѣли послѣ отреченія. Вся его походка, лицо, весь его видъ являлъ выраженіе крайней подавленности и удрученія. Мы ждали выхода Государя. На платформѣ была мертвая и какая-то напряженная тишина. Однако, вмѣсто Государя въ двери вагона показался кто-то изъ дворцовой прислуги, быстро направился къ ген. Алексѣеву и пригласилъ его въ вагонъ. Алексѣевъ вошелъ въ вагонъ, пробылъ тамъ не болѣе двухъ минутъ, вышелъ и сталъ на свое мѣсто.

Черезъ нѣсколько мгновеній въ двери вагона показался Государь и сошелъ на платформу. Онъ былъ одѣтъ въ форму кубанскихъ казаковъ — въ этой формѣ ходилъ онъ и въ послѣдніе дни пребыванія своего въ Ставкѣ—въ пальто, въ большой бараньей папахѣ, сплюснутой спереди и сзади. Онъ очень сильно измѣнился за то время, что я его не видѣлъ. Лицо сильно похудѣло, было желто-сѣраго цвѣта, кожа какъ то обтянулась и обсохла на скулахъ; весь видъ Государя былъ очень нервный. Однако, черезъ нѣсколько мгновеній, онъ, видимо, овладѣлъ собой, улыбнулся своей всегдашней привѣтливой улыбкой и всѣмъ намъ отдалъ честь, слегка поклонившись. Въ это же время къ нему приблизился Министръ Двора ген. ад. гр. Фредериксъ и Дворцовый Комендантъ ген.-м. Воейковъ. Бѣдный старикъ Фредериксъ, какъ

всегда тщательно одѣтый, выбритый и причесанный, казался совсѣмъ убитымъ, одряхлѣвшимъ и опустившимся. Воейковъ сохранялъ свой обычный вздернутый видъ, но былъ явно растерянъ, и глаза его неувѣренно бѣгали. Государь подошелъ къ правому флангу нашей, жутко молчавшей, шеренги и началъ обходъ, никому не подавая руки, но, или говоря кое кому по нѣсколько привѣтливыхъ словъ или, большей частью, по своему обыкновенію, молча задерживаясь передъ каждымъ на нѣсколько мгновеній. Лѣвѣй меня и рядомъ со мной стоялъ свиты Его Величества Ген. Петрово-Соловово, постоянно жившій въ Ставкѣ. За нѣсколько дней до революціи онъ уѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Москву, откуда вернулся въ Ставку наканунѣ пріѣзда Государя. Этотъ, съ хорошимъ университетскимъ и общимъ образованіемъ, человѣкъ, губернскій предводитель дворянства и богатый землевладѣлецъ имѣлъ въ своемъ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ видъ кутилы и беззаботнаго малаго, каковымъ онъ, однако, вовсе не былъ, будучи человѣкомъ весьма дѣльнымъ, острымъ и умно находчивымъ на языкъ. Государь привѣтливо съ нимъ поздоровался и сказалъ ему «а, вы вернулись». Петрово-Соловово, какъ и всѣ мы, подавленный и взволнованный этими минутами встрѣчи Государя — отрекшагося Государя, — въ ближайшей свитѣ котораго онъ былъ, и, видимо, въ желаніи какъ-нибудь, что нибудь сдѣлать и чѣмъ нибудь выразить Государю наполнявшія его чувства и горя, и сожалѣнія, и любви къ нему, — въ отвѣтъ на полувопросъ, полузаявленіе Государя, сразу быстро и много заговорилъ. Сталъ разсказывать о причинахъ своего пребыванія въ Москвѣ, о болѣзни своей сестры и о подробностяхъ этой болѣзни и пр., совершенно не замѣчая, что Государь все время порывается итти дальше. Воспользовавшись секундной паузой въ рѣчи генерала, Государь перебилъ его неопредѣленными словами, сказавъ нѣчто вродѣ «да, ну такъ, вотъ такъ»,—и продолжалъ свой обходъ. Окончивъ обходъ, Государь на минуту зашелъ въ вагонъ, вышелъ оттуда и направился къ своему автомобилю, который подали ему непо-

средственно къ вагону. Воспользовавшись этой минутой, я подошелъ къ гр. Фредериксу, чтобы выяснить у него одинъ мелочный вопросъ. Всѣ мы понимали, что чувство элементарнаго приличія заставляетъ насъ думать о томъ, чтобы во время пребыванія Государя въ Ставкѣ, — которое, какъ намъ было ясно, будетъ очень кратковременнымъ, постараться не нарушать тѣхъ мелочей сложившагося въ Ставкѣ повседневнаго обихода, которыя касались личности Государя. Одна изъ этихъ мелочей заключалась въ слѣдующемъ. Мнѣ, какъ высшему начальнику почтово-телеграфной части на театрѣ военныхъ дѣйствій (у меня въ подчиненіи, въ числѣ прочихъ, было нѣсколько тысячъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ) ежедневно приносили прямо съ аппарата наклеенную на телеграфномъ бланкѣ подлинную ленту агентскихъ телеграммъ. Эти депеши я непосредственно отъ себя сейчасъ же пересылалъ Воейкову, а онъ передавалъ ихъ Государю, который ихъ всегда внимательно и читалъ. Нарушать этого порядка я, по указанной выше причинѣ, не хотѣлъ. Съ другой же стороны, агентскія телеграммы въ это время было полны такой безудержной и лакейской ругани, направленной лично противъ Государя и его Семьи, что я прямо не рѣшался посылать ихъ. За разрѣшеніемъ этого вопроса я и обратился къ гр. Фредериксу: «какъ же Вы думаете, Ваше Сіятельство, посылать депеши, или лучше не посылать, — можетъ быть Государь и не вспомнитъ о нихъ». Бѣдный старикъ, подавленный и удрученный, ничего не могъ мнѣ отвѣтить: «Да, да — нельзя, не нужно, но и нельзя... Знаете, спросите Воейкова». Воейковъ на секунду задумался. «А не можете-ли Вы ихъ какъ-нибудь подцензуровывать сами», спросилъ онъ меня, — «ну, вырѣзать особенно плохія мѣста». Я сказалъ, что это совершенно неосуществимо, просто технически. «Да, да. А онъ (т. е. Государь) непремѣнно спроситъ», сказалъ Воейковъ. «Знаете, присылайте попрежнему. Все равно, что ужъ теперь — махнулъ онъ рукой — онъ, все равно, знаетъ», т. е. знаетъ, что его поносятъ. Я продолжалъ посылать эти депеши каждый день съ новой болью и каждый

разъ съ негодованіемъ. Тѣни благодарства была лишена наша революція. Не знаю, показывались ли эти депеши Государю.

Государь уѣхалъ во дворецъ. Разъѣхались, съ тяжелымъ сердцемъ, и мы въ мѣста ни на секунду не прекращавшейся нашей службы — службы, которая со дня на день дѣлалась все безполезнѣе и безполезнѣе, ибо все виднѣе и виднѣе было, что никакой войны, съ надеждой на успѣхъ, продолжать мы не можемъ.

По возвращеніи своемъ въ Ставку, послѣ отреченія, Государь пробылъ въ ней, не считая вечера 3 марта и утра 8-го, когда онъ уѣхалъ, четыре полныхъ дня. Внѣшній обиходъ его жизни въ эти дни не измѣнился, если не считать того, что всякія приглашенія къ завтраку и обѣду, за исключеніемъ Великихъ Князей, были прекращены. Повидимому въ первые, по крайней мѣрѣ, два дня онъ продолжалъ по утрамъ ходить и въ то помѣщеніе Штаба, гдѣ Алексѣевъ дѣлалъ ему доклады о ходѣ военныхъ дѣйствій. Не рѣшаюсь утверждать этого опредѣленно, но помнится, что тогда говорили, что эти посѣщенія вызывали серьезное неудовольствіе противъ Алексѣева въ Петроградѣ, гдѣ Временное Правительство и совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, черезъ своихъ агентовъ, преимущественно изъ писарскаго населенія Ставки, были точно освѣдомлены о всемъ, что тамъ происходило. На другой день послѣ пріѣзда Государя, т. е. 4 марта, въ Ставку пріѣхала изъ Кіева Вдовствующая Императрица, осталась въ своемъ вагонѣ на станціи и пробыла тамъ все время до отъѣзда Государя. Со времени ея пріѣзда Государь большей частью обѣдалъ и завтракалъ у нея. Чтобы попасть изъ дворца, т. е. изъ губернаторскаго дома, стоявшаго на самомъ берегу Днѣпра, на вокзалъ, надо было проѣхать свыше двухъ верстъ, при чемъ большую часть этого пути приходилось дѣлать по главной прямой и широкой улицѣ города. Государь ѣздилъ на станцію въ закрытомъ автомобилѣ. При встрѣчахъ съ быстро ѣдущимъ автомобилемъ многіе не успѣвали узнать Государя. Изъ тѣхъ, которые узнавали,

нѣкоторые — военные и штатскіе — привѣтствовали его, или на ходу снимали шляпы и отдавая честь, или останавливаясь. Были и такіе, которые узнавали и отворачивались, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ. Были и такіе, которые узнавали, не отворачивались, но и не кланялись. Но за то были и такіе, которые останавливались, становились на колѣни и кланялись въ землю. Много нужно было имѣть въ то время душевнаго благородства и гражданскаго мужества, чтобы сдѣлать такой поклонъ. Однако, такіе люди нашлись.

На одинъ изъ дней пребыванія Государя выпалъ праздникъ. Какъ всегда, Государь поѣхалъ въ обѣднѣ въ штабную церковь — одну изъ большихъ городскихъ церквей, отданную въ распоряженіе Штаба. Какъ всегда, вошелъ въ церковь съ лѣваго бокового входа и сталъ на свое обычное мѣсто на лѣвомъ клиросѣ. Какъ всегда, стояли въ церкви стройными рядами конвойные казаки со своими офицерами, занимая пространство между пилонами противъ царскихъ вратъ, оставляя широкій проходъ посерединѣ для молящихся. Многихъ изъ этихъ офицеровъ видѣлъ я черезъ два года на Кубани, въ качествѣ служащихъ въ мѣстномъ «правительствѣ», не только твердо забывшихъ службу свою въ личномъ конвоѣ Русскаго Царя, но и забывшихъ-то, что они не только «кубаньци»—объ этомъ они очень помнили и это подчеркивали, — но, прежде всего, сыны Великой Россіи. Приближалось, по ходу обѣдни, время «великаго выхода», съ сопровождавшимъ его возгласомъ священника, начинавшемся въ алтарѣ и выносимымъ на середину амвона передъ царскія врата: «Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя нашего». Этого возгласа мы не услышали. Но услышали другой, никакимъ церковнымъ канономъ не установленный и придуманный тутъ же нашимъ штабнымъ священникомъ о. Владиміромъ. Государь поминался въ немъ, но въ необычныхъ и непривычныхъ словахъ, однако, поминался... «Я не могъ помянуть его, какъ обычно», говорилъ потомъ о. Владиміръ, «ибо онъ не самодержавнѣйшій и даже уже не Государь. Я не могъ его обидѣть такимъ всегдашнимъ возгла-

сомъ. Но я и не могъ не помянуть совсѣмъ Царя, стоявшаго тутъ же въ церкви, у алтаря, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ я привыкъ видѣть его каждую службу, въ теченіе двухъ лѣтъ». Рисковалъ, очень рисковалъ этотъ благородный человѣкъ — и не побоялся рискнуть...

Вечеромъ 7 марта, на четвертый день пребыванія Государя въ Ставкѣ, вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ ген. К. Толстый, грузный, жирный, рыжій, съ широкимъ блѣднымъ лицомъ, молодой, умный, способный и талантливый, но весьма шаткій человѣкъ, онъ занималъ въ Ставкѣ должность высшаго представителя министерства Путей Сообщенія, имѣя свое начальство въ Петроградѣ, въ лицѣ министра, а въ то время, слѣдовательно, въ лицѣ инж. Бубликова (Некрасовъ, кажется еще не вступилъ въ должность). К., нашъ товарищъ, сверстникъ и сослуживецъ, послѣ переворота какъ то сразу рѣзко отдѣлился отъ насъ, считая себя членомъ Временнаго Правительства и боясь попасть «подъ подозрѣніе», въ которомъ, до большевицкой революціи включительно, находилась вся Ставка. Впослѣдствіи онъ, изъ за неосмотрительно подписанной во время корниловскихъ дней телеграммы (на что онъ горько мнѣ жаловался), попалъ въ Быховскую тюрьму вмѣстѣ съ Корниловымъ, а еще позже былъ растерзанъ большевистской толпой въ Полтавѣ, только что взятой тогда добровольческой арміей. Съ Бубликовымъ и Некрасовымъ онъ находился въ оживленной и искательной перепискѣ. По взволнованному и недоумѣвающему лицу К. я увидѣлъ, что случилось что-то особенное. «Я пришелъ къ Вамъ по-дружески за совѣтомъ», сказалъ онъ мнѣ; «вотъ я только что получилъ шифрованную телеграмму отъ Бубликова (или, не помню уже, отъ Некрасова) съ извѣстіемъ, что завтра утромъ пріѣдутъ въ Могилевъ четыре члена Государственной Думы для того, чтобы арестовать Государя и отвезти его въ Петроградъ. Мнѣ воспрещается освѣдомлять кого-либо объ этомъ и приказано приготовить секретно поѣзда и паровозы. Такъ вотъ я, чортъ его знаетъ, и не знаю, что дѣлать». «Видите-ли», отвѣтилъ я ему,

«или Вы должны были ужъ держать все это въ секретѣ и никому не говорить, или, разъ Вы пришли ко мнѣ за совѣтомъ, то вотъ Вамъ мой отвѣтъ: вотъ у поѣзда стоитъ мой автомобиль, садитесь въ него и немедленно поѣзжайте къ Алексѣеву». «Да какъ же, вѣдь телеграмма секретная». «Да вѣдь понимаете-же Вы сами, что нужно предупредить, иначе вѣдь Вы ко мнѣ и не пришли бы. Ну, скажите Алексѣеву, что это секретъ, онъ уже съумѣетъ съ этимъ секретомъ распорядиться. А коли Вы не поѣдете, такъ я самъ поѣду. А если поѣдете, то никто не будетъ знать, что я знаю о Вашей телеграммѣ». К. уѣхалъ. Позже я узналъ, что когда онъ въ разговорѣ съ Алексѣевымъ сталъ, такъ сказать, напирать на то, что то, что онъ ему передаетъ — секретъ, обладаніемъ котораго онъ, К., обязанъ лишь своему особому положенію, то Алексѣевъ весьма сухо его оборвалъ, сказавъ, что онъ самъ знаетъ, что ему дѣлать.

Отъѣздъ Государя, по приказанію изъ Петрограда, былъ назначенъ утромъ, помнится, въ 9 ч., а еще раньше должны были пріѣхать экстреннымъ поѣздомъ посланцы Временнаго Правительства. Такъ сказать, на сборы въ дорогу времени Государю совсѣмъ не давалось. Однако, безконечная болтовня, произносимыхъ на промежуточныхъ станціяхъ рѣчей, задержала въ дорогѣ пословъ — двухъ кадетъ и двухъ соціалистовъ (послѣдніе — по выбору совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ), и они опоздали.

Около половины одиннадцатаго я получилъ записку, что Государь передъ отъѣздомъ желаетъ попрощаться съ чинами Ставки, чего, какъ разъ и не желали, повидимому, въ Петроградѣ. Ген. Алексѣевъ просилъ собраться по возможности всѣхъ въ 11 час. въ помѣщеніи Управленія Дежурнаго Генерала. Едва успѣлъ я дать знать объ этомъ подчиненнымъ мнѣ и расположеннымъ въ разныхъ зданіяхъ учрежденіямъ, какъ наступило уже время идти. «А Вы не пойдете», спросилъ я встрѣтившагося мнѣ ген. К., «Нѣтъ, знаете, что же тамъ», небрежно отвѣтилъ онъ мнѣ, — «Надо,

наконецъ, рѣшить какого берега держаться». Нечего или, вѣрнѣе, безполезно было отвѣчать. Я пришелъ на мѣсто собранія однимъ изъ послѣднихъ. Ген. Алексѣевъ былъ уже тамъ. Это была довольно большая зала, бывшая въ мирное время залой засѣданія могилевскаго окружного суда. Отъ середины обѣихъ длинныхъ стѣнъ залы отходили невысокія балюстрады, оставлявшія между собой широкій проходъ и отдѣлявшія, въ былое время, мѣста для публики отъ судейскихъ мѣстъ. Собравшіеся размѣстились въ нѣсколько тѣсно сбитыхъ рядовъ по стѣнамъ, вокругъ всего зала и по обѣ стороны балюстрадъ, образовавъ, такимъ образомъ, какъ бы восьмерку. Въ правомъ верхнемъ углу этой восьмерки находилась входная дверь. Направо отъ нея, вдоль по поперечной стѣнѣ зала стали нижніе чины — человѣкъ около 50-60 — конвойцы, солдаты Георгіевскаго баталіона, Собственнаго Его Величества своднаго пѣхотнаго полка, кое-кто изъ писарей. Налѣво около двери сталъ ген. Алексѣевъ. Далѣе помѣщались, поочереди, всѣ управленія Штаба. Мнѣ пришлось стоять въ правомъ нижнемъ углу восьмерки, а мои многочисленные подчиненные и путейскіе чины заняли всю внутреннюю короткую стѣну зала. Лѣвѣе насъ, по длинной стѣнѣ стояли офицеры конвоя, Георгіевскаго баталіона, своднаго полка и другіе. Правѣе меня и рядомъ со мной стоялъ полевой интендантъ ген. Егорьевъ со своими чинами. Настроеніе въ залѣ было очень нервное и напряженное. Чувствовалось, что достаточно малѣйшаго толчка, чтобы вывести всю эту толпу изъ равновѣсія.

Ровно въ 11 час. въ дверяхъ показался Государь. Поздоровавшись съ Алексѣевымъ, онъ обернулся направо къ солдатамъ и поздоровался съ ними негромкимъ голосомъ, какъ здоровался въ комнатахъ. «Здравія желаемъ Ваше Императорское Величество» — полнымъ, громкимъ и дружнымъ голосомъ отвѣчали солдаты. Въ газетахъ того времени мнѣ приходилось читать написанныя языкомъ того же времени замѣтки о томъ, что «солдаты революціонной арміи, въ сознаніи чувства своей революціонной гордости,

презрительнымъ молчаніемъ отвѣтили на обращенное къ нимъ привѣтствіе Николая Романова». Все это есть пошлый вздоръ, произведеніе перьевъ лакеевъ отъ революціи. Выслушавъ отвѣтъ нижнихъ чиновъ, Государь быстро направился вглубь залы и остановился въ перехватѣ восьмерки, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, лицомъ въ мою сторону. Я ясно и до мельчайшихъ подробностей видѣлъ его фигуру и лицо. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрую кубанскую черкеску, съ шашкой черезъ плечо. Единственное измѣненіе заключалось въ томъ, что всѣ военные союзническіе кресты, учрежденные во время войны, которые онъ носилъ постоянно, были сняты. На груди висѣлъ одинъ лишь георгіевскій крестъ, ярко бѣлѣвшій на темномъ фонѣ черкески. Лѣвую руку съ зажатой въ ней папахой онъ держалъ на эфесѣ шашки. Правая была опущена, и сильно и замѣтно дрожала. Лицо было еще болѣе пожелтѣвшее, посѣрѣвшее и обтянутое, и очень нервное. Остановившись, Государь сдѣлалъ небольшую паузу и затѣмъ началъ говорить рѣчь. Первые слова этой рѣчи я запомнилъ буквально. Онъ говорилъ громкимъ и яснымъ голосомъ, очень отчетливо и образно, однако сильно волнуясь, дѣлая неправильныя паузы между частями предложенія. Правая рука все время сильно дрожала. «Сегодня... я вижу васъ... въ послѣдній разъ», началъ Государь, «такова воля Божія и слѣдствіе Моего рѣшенія». Далѣе онъ сказалъ, что отрекся отъ престола, видя въ этомъ пользу Россіи и надежду побѣдоносно кончить войну. Отрекся въ пользу брата Вел. Кн. Михаила Александровича, который, однако, также отрекся отъ престола. Судьба Родины ввѣрена теперь Временному Правительству. Онъ благодаритъ насъ за вѣрную службу ему и родинѣ. Завѣщаетъ намъ вѣрой и правдой служить Временному Правительству и во что бы то ни стало довести до конца борьбу противъ коварнаго, жестокаго, упорнаго — и затѣмъ слѣдовалъ еще цѣлый рядъ отлично подобранныхъ эпитетовъ — врага. Государь кончилъ. Правая рука Его уже не дрожала, а какъ то дергалась. Никогда не наблюдалъ я такой глубокой,

полной, такой мертвой тишины въ помѣщеніи, гдѣ было собрано нѣсколько сотъ человѣкъ. Никто не кашлянулъ и всѣ упорно и точно не мигая смотрѣли на Государя. Поклонившись намъ, онъ повернулся и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Алексѣевъ. Отсюда онъ началъ обходъ присутствующихъ. Подавая руку старшимъ генераламъ и кланяясь прочимъ, говоря кое-кому нѣсколько словъ, онъ приближался къ моему мѣсту. Когда онъ былъ въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ меня, то напряженіе залы, все время сгущавшееся, — наконецъ, разрѣшилось. Сзади Государя кто то судорожно всхлипнулъ. Достаточно было этого начала, чтобы всхлипыванія, удержать которыя присутствующіе были, очевидно, уже не въ силахъ, раздались сразу во многихъ мѣстахъ. Многіе просто плакали и утирались. Вмѣстѣ съ всхлипываніями раздались и слова: «тише, тише, вы волнуете Государя». Однако, судорожныя перехваченныя всхлипыванія эти не утихали. Государь, оборачивался направо и налѣво, по направленію звуковъ, и старался улыбнуться, однако улыбка не выходила, — а выходила какая-то гримаса, оскаливавшая ему зубы и искажавшая лицо; на глазахъ у него стояли слезы. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ обходъ. Подойдя ко мнѣ, онъ остановился, подалъ мнѣ руку и спросилъ: «это ваши?». Я, тоже сильно волнуясь и чувствуя, что губы у меня дрожатъ, отвѣтилъ. Въ эту же минуту я замѣтилъ, что стоявшій правѣе меня ген. Егорьевъ, человѣкъ, какъ я выше сказалъ, до крайности нервный, очевидно уже не владѣя собой вовсе, спрятался за меня, и что Государь его не видитъ. Тогда я полуобернулся назадъ, схватилъ правой рукой Егорова за талію, выдвинулъ его впередъ и сказалъ: «мои... и вотъ главный полевой интендантъ». Государь подалъ ему руку и на секунду задумался. Потомъ поднявъ на меня глаза и, глядя въ упоръ, сказалъ: «помните же Т., что я говорилъ вамъ, непремѣнно перевезите все, что нужно для арміи», и, обращаясь къ Егорьеву: «а вы непремѣнно достаньте; теперь это нужно больше чѣмъ когда-либо. Я говорю вамъ, — что я не сплю, когда думаю, что

армія голодаетъ».Подавъ руку мнѣ и Егорьеву, онъ пошелъ дальше. Подойдя къ офицерамъ своего конвоя, онъ никому не подалъ руки м. б. потому, что онъ видѣлся уже съ ними утромъ отдѣльно. За то онъ поздоровался со всѣми офицерами Георгіевскаго баталіона, только что вернувшимися изъ экспедиціи въ Петроградъ. Судорожныя всхлипыванія и вскрики не прекращались. Офицеры Георгіевскаго батальона — люди, по большей части, нѣсколько разъ раненые — не выдержали: двое изъ нихъ упали въ обморокъ. На другомъ концѣ залы рухнулъ кто-то изъ солдатъ-конвойцевъ. Государь, все время озираясь на обѣ стороны, со слезами въ глазахъ, не выдержалъ и быстро направился къ выходу. Навстрѣчу ему выступилъ Алексѣевъ и началъ что-то говорить. Начала рѣчи я не слышалъ, такъ какъ всѣ бросились за Государемъ и въ залѣ поднялся шумъ отъ шарканія ногъ. До меня долетѣли лишь послѣднія слова взволнованнаго голоса Алексѣева: «а теперь, Ваше Величество, позвольте мнѣ пожелать Вамъ благополучнаго путешествія и дальнѣйшей, сколько возможно, счастливой жизни». Государь обнялъ и поцѣловалъ Алексѣева и быстро вышелъ.

Больше я его уже никогда не видѣлъ. И опять, какъ мѣсяцъ назадъ, шли мы вмѣстѣ съ Егорьевымъ и говорили о Государѣ. И обоимъ намъ было ясно, что не притворялся этотъ человѣкъ, а дѣйствительно любилъ и армію и Россію глубокой любовью. И много нужно было имѣть этой любви и вѣры въ Россію, чтобы, развѣнчаннымъ Царемъ, въ тяжкія минуты публичнаго прощанія, не только указать бывшимъ своимъ подданнымъ на ихъ общій долгъ передъ родиной, но еще и вспомнить о той отдѣльной заботѣ, которой тревожился Онъ, среди прочихъ безчисленныхъ дѣлъ государственнаго управленія.

Н. ТИХМЕНЕВЪ.

LUX
LIBERTAS